

ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера) ¹⁾

Верхомъ въ Сибецу.

5—17 августа. Утромъ въ семь часовъ, какъ уговорились вчера, привели двухъ лошадей (даже не опоздали, вопреки японскому обычаю). Мы простились съ нашимъ епископомъ, взобрались на своихъ россиантовъ. Епископъ напутствовалъ насъ своимъ благословеніемъ и завѣтомъ съ лошади не падать, а если падать, то непременно на песокъ, — и мы затрясались по улицамъ Неморо. Англійское сѣдло на первый разъ мнѣ показалась совсѣмъ неуютнымъ, оно зачѣмъ-то постоянно подпрыгивало и преобильно колотило. Я начинать досадовать на прыгавшаго впереди о. Игнатія—ну, куда гонить такъ поспѣшно. Отчасти и на лошадь негодовалъ, могла бы идти гораздо ровнѣе. А лошадь была вполне приличное, пожилое животное, которое съ полнымъ равнодушіемъ относилось къ уздѣ,—и въ самыя патетическія минуты, когда я собирался ее пустить чуть не въ карьеръ, употребляя всѣ доступныя мнѣ мѣры ободренія, она почему-то чувствовала приливъ аппетита и неучтиво поворачивалась пощипать немного травы. Какъ бы то ни было, первыя пять рилъ показались мнѣ очень длинными. Впрочемъ, потомъ скоро привыкъ, только на другой день не такъ спокойно было сидѣть, но и только.

Мы ѣхали сначала чрезъ нѣсколько деревень, потомъ длинный—предлинный мостъ и гать чрезъ рѣку или заливъ.

¹⁾ Продолженіе См Богосл Вѣст, июль, стр 394—415

замѣчательно изобилующіи разными раковинами, и оттуда все по взморью, гдѣ почти непрерывно идутъ рыбацкіе промыслы, деревушки и пр. Промысла теперь стояли пустыми (будутъ дѣйствовать въ 10—11 мѣсяцѣ, когда ловится здѣшняя главная рыба-сяке). Кое-гдѣ небольшія артели рыболововъ приготавливаются къ осеннему лову; плетутъ невода. Около каждаго промысла нѣсколько врытыхъ въ землю котловъ съ топками подъ ними; это для выварки головъ и хвостовъ и вообще всякихъ рыбныхъ отбросовъ: это идетъ потомъ на удобреніе полей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Езо я впоследствии видѣлъ промысла, занимающіеся исключительно приготовленіемъ этого удобрения. Ловится массаи мелкая рыба, нѣсколько похожая на сельди, и весь уловъ цѣликомъ идетъ въ эти котлы. Нѣкоторые котлы и при нашемъ проѣздѣ дымилсь, распространяя отвратительную вонь. Въ деревушкахъ замѣтно больше жизни; людей мало и тамъ, за то видны собаки, коровы, иной разъ со двора протянется удивленно—негодующая голова пѣтуха или насѣдки. Но все еще спитъ, пока до осени. Впрочемъ, на уловъ рыбы жалятся и здѣсь; должно быть, чрезмѣрнымъ усердіемъ распугали ее.

Первая станція Тобуто. Здѣсь мы мѣняемъ лошадей и, едва передвигая затекшія ноги, садимся въ лодку и медленно вмѣстѣ съ лошадью переправляемся чрезъ заливъ. Отъ этой деревушки 3 ри до Бецукай. Мы ѣдемъ чрезъ зеленую равнину, по которой кое-гдѣ пасутся табуны лошадей. Потомъ дюны, поросшія цвѣтущимъ шиповникомъ, далѣе, опять взморье съ его безконечными промыслами. Слѣва пошло чернолѣсье; по временамъ расчищенные поля, но еще ничего на нихъ не было посеяно. Покуда только, кажется, картофель усердно разводится здѣсь. Родится очень крупный, гораздо лучше, чѣмъ въ старой Японіи. Зимой, когда выходитъ весь рѣсь (а это иной разъ случается, если ледъ долго не пускаетъ параходовъ въ Неморо), картофель служить незамѣнимымъ подспорьемъ для здѣшняго населенія.

Бецукай—небольшой рыбацкій городъ или собственно говоря, нѣсколько разбросанныхъ рыбацкихъ поселковъ, которые только административно соединены въ городъ. Домовъ въ немъ до 200, если же считать только городъ въ узкомъ

смыслѣ, т. е. тотъ поселокъ, въ которомъ находятся всѣ правительственныя мѣста, то домовъ не будетъ болѣе 100. Въ прежніе годы, когда былъ хорошій уловъ рыбы, городъ благоденствовалъ, теперь захирѣлъ и отчасти обѣднѣлъ. Мы заходили въ огромную фабрику рыбныхъ консервовъ (подобную той, что въ Сяннѣ): она стояла молча, машины заброшены, вездѣ пыль.—Въ городѣ есть нѣсколько убогихъ айноскихъ хатъ, скорѣе можно бы сказать, шалашей. По дорогѣ иной разъ попадаются и сами айносы, какой—то тихій, точно забитый народъ, униженно намъ кланявшійся. По словамъ моего, спутника, чиновники обращались съ ними очень сурово, поэтому каждая европейская шляпа для нихъ стала страшна, во всѣхъ видятъ чиновниковъ.—Въ Бецукай нѣтъ у насъ ни вѣрующихъ, ни слушающихъ ученіе. Развѣ впоследствии, когда для Сибецу можно будетъ опредѣлить особаго катихизатора, этотъ послѣдній заронитъ сѣмя вѣры и сюда.

Пообѣдавъ въ гостинницѣ, очень чистой для такой глуши, мы, не смотря на уговоры хозяйки, отправились дальше. Три съ половиной ри до Симбецу, небольшой постоялый дворъ, затерявшійся среди дѣвственнаго лѣса. Ъхали все лѣсомъ, совсѣмъ еще не тронутымъ. Только и есть цивилизаціи, что прямая, какъ стрѣла почтовая дорога—тропа, да телеграфные столбы. Лѣсъ почти исключительно черный: липовница, дубъ, ясень, вязъ, но всѣхъ пріятнѣе бѣлѣть стволъ нашей родной березки. Это первый разъ въ Японіи встрѣтилъ я свою землячку. Березы здѣсь даже цѣлыя рощи. Даже японцы успѣли оцѣнить березовыя дрова, хотя конечно, ихъ воздушные домики, чѣмъ ни топи, все равно не натопишь. Въ лѣсу тихо, люди попадаются очень рѣдко, больше верхомъ на лошадяхъ. Промчится мимо нашего черепашьяго поѣзда, окинетъ съ высока насъ, иной, по древнему обычаю, извинится, что не слѣзаетъ съ лошади (когда проѣзжалъ самурай, всѣ не самураи обязаны были слѣзать съ коня и низко кланяться), и скроется въ лѣсу. Вотъ впереди на дорогу выбѣжала лисичка. Нѣсколько не боясь, постояла, посмотрѣла на насъ и пустилась впередъ по дорогѣ, кокетливо разводя своимъ золотистымъ хвостомъ. Отбѣжитъ немного, остановится, оборотитъ къ намъ свою красивую мордочку, смотреть, пока направившись не скры-

лась съ дороги въ заросляхъ. Иной разъ на повалившемся поперекъ дороги стволѣ запрыгаетъ бѣлка, и поспѣшно скроется, завидя насъ. Говорятъ, что въ этихъ лѣсахъ водятся въ большемъ количествѣ и медвѣди. Вотъ если бы Михаилъ Ивановичъ вздумалъ прогуляться на дорогу, шутки были бы плохія, отъ него кокетливости не жди.

Мы ночуемъ въ Симбецу, гдѣ для насъ открыли и вымели просторную комнату, заспкн, въ которой очевидно, рѣдко кто ночуетъ. Да и кому охота ночевать въ лѣсу, когда по ту и другую сторону есть города? Въ заспкн на почетномъ мѣстѣ стоитъ огромная буддійская божница, закрытая отъ нескромныхъ глазъ, а въ кухнѣ подъ потолкомъ полка съ плодчиками, съ рѣзаной бумагой и пр., это божница синтоистическая. Двѣ религіи, такимъ образомъ, спокойно уживаются въ одномъ домѣ, и даже, можетъ быть, въ одномъ сознаниі японца. Такъ можно наблюдать по всей Японіи. Старая обаасанъ, по всему, ревностная буддистка, однако очень любезно приняла насъ, накормила простымъ, но вкуснымъ съ голоду ужинкомъ, и на ночь постлала пудовые футоны (можно было бы перевести это слово: одѣяла, если бы они не были скорѣе похожи на матрацы).

6—18 августа. Преображеніе Господне. Утромъ помолвившись и позавтракавъ, поѣхали дальше. Пять рц, и—Симбецу, цѣль нашихъ стремленій. Дорога опять тянется нескончаемымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Приходилось переѣзжать вбродъ двѣ--три рѣчки. Иной разъ дорога напоминала о нашихъ земствахъ, въ Японіи и безъ нихъ дороги иногда могутъ быть плохи.

Симбецу—небольшой городокъ домовъ въ 250, своего рода столица этого лѣснаго края. Подобно Бецукай, онъ состоитъ изъ небольшого селенія въ одну улицу и нѣсколькихъ болѣе или менѣе разбросанныхъ деревень. О. Пгнатій прошлый годъ прожилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, каждый день проповѣдуя ученіе. Слушателей постоянно бывало человекъ съ 10, приходили и другіе, но не регулярно³⁾. Онъ успѣлъ объяснить имъ въ краткомъ видѣ Символь вѣры; многіе сильно заинтересовались ученіемъ, но, конечно, въ мѣсяцъ

³⁾ Проповѣдь не была публичной

не могли быть приготовлены ко крещенію. Вотъ почему хорошо бы здѣсь имѣть отдѣльнаго катихизатора.

Мы остановились въ очень хорошей гостиницѣ. На стѣнѣ висѣлъ дешевый портретъ знаменитыхъ трехъ нѣмцевъ (Вильгельма I, Бисмарка и Мольтке), предъ которыми японцы особенно благоговѣютъ.—Не успѣли мы пообѣдать, какъ къ намъ пришелъ одинъ изъ слушателей, Сасаки, управляющій конторой одной изъ рыбныхъ компаній. Всѣ они знали что въ Неморо ожидается Николай, Сасаки послали даже письмо о. Игнатію, съ просьбой пригласить Николая — сана и къ нимъ въ Сибецу. Увидавъ двухъ лошадей и какого-то иностранца на одной изъ нихъ, Сасаки и подумалъ, что пріѣхалъ самъ Николай—санъ. Мы съ нимъ поговорили нѣсколько. Человѣкъ, видимо, очень умный и весьма серьезно относящійся къ вопросамъ вѣры. Перечиталъ онъ всѣ книги о Христіанствѣ, какія только попадали къ нему, нѣкоторыя православныя книги даже выписывалъ на свой счетъ, что для язычника, притомъ торговаго человѣка, уже очень много значить. Самъ еще не обратившись въ православіе, Сасаки уже и теперь горячо о немъ говорилъ со своими знакомыми, разъясняя имъ разныя недоумѣнія, даже возражалъ на разныя нелѣпыя выдумки, которыя распространяются про нашу вѣру буддистами, въ особенности же протестантами. Мы уговорились съ нимъ придти сегодня вечеромъ къ нему на домъ, гдѣ соберутся и прочіе, желающіе слушать ученіе; тамъ поговоримъ о вѣрѣ.

Проводивъ Сасаки, мы и сами пошли ходить по городу, хотѣлось видѣть его, главное же нужно было посѣтить домъ нашего христіанина Филиппа Итоо, который служить прикащикомъ въ той же рыбной компаніи и принялъ крещеніе отъ о. Игнатія прошлый годъ. Домъ его оказался совсѣмъ на околицѣ. Къ сожалѣнію самого хозяина дома не оказалось: онъ уѣхалъ на рыбный промыселъ куда-то рю за 15 отсюда. Дома были только его мать—старуха, злая буддистка, не поддающаяся никакому вліянію и страшно ненавидящая христіанство, потомъ жена и небольшая дѣвочка—пріемышъ. Жена, какъ болѣе молодая, не такъ фанатична и прошлый годъ довольно охотно слушала ученіе о. Игнатія, только, конечно, живя постоянно съ свекровью, находится подъ ея вліяніемъ. Нужно при этомъ имѣть въ виду,

что, по японскимъ самурайскимъ обычаямъ старыхъ лѣтъ, молодая женщина, вступая въ домъ мужа, должна во всемъ слѣдовать его родителямъ, находиться въ безусловномъ подчиненіи имъ. Понятно, если мать или отецъ—фанатики, невѣстка не можетъ легко бросить ихъ вѣру.—Въ комнатѣ у самого Филиппа виситъ икона Богоматери. Христіанинъ онъ, по отзыву о. Игнатія очень хорошій, ревностно соблюдающій и испытующій вѣру. У нихъ нѣчто въ родѣ духовнаго братства съ Павломъ Огава, котораго, мы должны увидать въ Кумбцу. Можетъ быть, благодаря этимъ искренно вѣрующимъ христіанамъ и другіе примутъ ученіе, подобно тому, какъ теперь, благодаря ихъ постоянному исповѣданію и разговорамъ, многіе начинаютъ надъ ученіемъ задумываться.

Посѣтили потомъ два дома слушающихъ. Одинъ Токура, почтовый чиновникъ, едва ли даже не начальникъ здѣшной конторы. Онъ, вмѣстѣ съ женой, внимательно слушаютъ вѣру. Самъ Токура, по видимому, уже вѣруетъ, но еще не рѣшается обратиться окончательно, все еще колеблется и потому мучается въ душѣ. Другой домъ—семейство упомянутаго выше Сасаки. Его жена также расположена къ вѣрѣ Эти два дома, очевидно, очень близки между собою, и, навѣрное, если примутъ крещеніе, то непременно вмѣстѣ. У тѣхъ и другихъ ровнѣ по четверо маленькихъ дѣтей, которые, конечно, потомъ послѣдуютъ за родителями. Домъ Сасаки, мужъ и жена, прежде слушали протестантское, баптистское ученіе, но мужъ, какъ человѣкъ, очень умный и глубоко вдумчивый, сразу увидѣлъ слабыя стороны баптизма, его поверхностность, неустойчивость. Встрѣтившись съ о. Игнатіемъ, началъ слушать православную проповѣдь. При этомъ онъ воочию убѣдился и въ томъ, насколько ложны разныя клеветы, распускаемыя баптистами про православіе; это, по его словамъ, только еще болѣе отклонило его отъ баптизма. И мужъ, и жена, кажется, уже совсѣмъ вѣруютъ и готовы бы принять православное крещеніе, да только многолѣтняя дружба съ здѣшнимъ баптистскимъ проповѣдникомъ ихъ нѣсколько удерживаетъ. Конечно, настоящая вѣра не можетъ стѣсняться такими ничтожными препятствіями. Необходимо, слѣдовательно, всѣмъ этимъ людямъ еще повнимательнѣе отнестись къ вѣрѣ, еще послушать, помолиться,

чтобы потомъ уже приступить ко крещенію, не боясь, ничего.

Напротивъ, нашей гостиницы о. Игнатій показалъ мнѣ домъ съ тремя большими вивѣсками. Это и былъ церковный домъ, баптистовъ. Одна вивѣска о томъ, что здѣсь мѣсто проповѣди, потомъ еще о чемъ-то и третья о неизмѣнномъ обществѣ трезвости. И странное дѣло всѣ эти методисты, баптисты, конгрегационалисты и пр., которые объявляютъ себя за возстановителей истиннаго Христова ученія, безъ всякой примѣси и искаженій, въ концѣ концовъ смѣшали церковь съ обществомъ трезвости. Теперь принимающій у нихъ крещеніе долженъ дать обѣтъ трезвости (иногда, кромѣ того, некуренія табаку). Спрашивается, что общаго между Христомъ и трезвостью, или табакомъ? Конечно, въ церкви должны быть общества трезвости, безъ нихъ при настоящемъ распространеніи пьянства, при крайней губительности его для народной жизни и пр., обойтись невозможно. Но церковь всетаки не общество трезвости и нигдѣ и никогда христіанство не ставило своимъ непремѣннымъ догматомъ воздержанія отъ вина (не отъ пьянства) Въ частномъ случаѣ это можетъ быть, но въ ученіи и въ церкви нѣтъ. Впрочемъ, если принять во вниманіе неустойчивость церковной жизни во всѣхъ такихъ духовныхъ сектахъ, то это смѣшеніе церкви съ обществомъ трезвости вполне понятно. Въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ этого общаго обѣта трезвости, что соединить членовъ какой-ниб. баптистической общины въ одно цѣлое? Вѣра во Христа? Но каждый изъ нихъ вѣруетъ, какъ ему кажется лучше, и этой свободы вѣрованія никто у него отнять не можетъ. Принадлежность къ общинѣ? но это—слишкомъ ничтожная, чисто формальная связь, которая еще нуждается въ своемъ оправданіи. Вотъ они и начинаютъ распѣвать на разные лады о христіанской любви безъ спора о мнѣніяхъ, а чтобы имѣть что-нибудь осязательное придумываютъ общества трезвости, некуренія табаку и пр., позабывая, что такія общества и съ такимъ же успѣхомъ могутъ существовать и безъ христіанства (этому есть примѣры и въ Японіи).

Баптистскій проповѣдникъ въ Сибецу живетъ уже лѣтъ 5—6 безвыѣздно, наѣзжаютъ отъ времени до времени и европейскіе миссіонеры (только что предъ нами былъ

одинъ), но успѣха имѣютъ, какъ и въ Неморо, весьма мало, вѣрующихъ до сихъ поръ было только 4 человѣка, да на дняхъ крещено трое. Конечно, такая бесплодность можетъ быть, объясняется и свойствами самого катихизатора, его лѣнностью, неумѣньемъ обращаться съ людьми (хотя катихизаторы у нихъ оплачиваются очень хорошо и потому обычно народъ въ мірскомъ отношеніе хорошій). Только иногда они проповѣдуютъ, сами не вѣруя. Я впоследствии имѣлъ случай видѣть такого проповѣдника. На возраженія онъ отвѣчалъ: Такъ учить наша церковь, но я совѣмъ такъ не думаю“. Этотъ проповѣдникъ служилъ сначала въ общинѣ Карпентеръ („бапутезма—но обаасанъ); но потомъ, видя что обаасанъ все старѣеть, а общину поддерживаютъ только она своими средствами, и что со смертію ея пожалуй и всякая поддержка прекратится, нашъ проповѣдникъ и сообразилъ поскорѣе перейти въ епископальныя катихизаторы: вѣровать-де и тамъ можно чему-угодно, только нужно привыкнуть проповѣдовать нѣсколько по-другому. Говоря это, я, конечно, отнюдь не хочу бросать грязью во всѣхъ православнохъ проповѣдниковъ, между ними есть не мало достойныхъ, искреннихъ людей, я только указываю примѣръ проповѣдниковъ, какимъ иногда приходится поручать руководство душъ ко спасенію. Конечно, такой пастырь далеко своего стада не уведетъ, да и изъ язычниковъ мало найдется охотниковъ слушать невѣрующую проповѣдь: такихъ проповѣдей они вдоволь наслушались у буддистовъ.

Въ семь часовъ вечера мы должны были придти къ Сасаки, но семи еще не было, а за нами уже приближалъ сынъ Сасаки: тамъ уже все было готово. Насъ привели въ записки, гдѣ полукругомъ около стѣнъ постланы были „забутоны“ (небольшіе четырехъугольные коврики для сидѣнія поджавъ ноги), разставлены хибаци (было отнюдь не жарко). Сидѣло пока только двое: самъ хозяинъ и еще одинъ какой-то рыбакъ. Послѣ обычныхъ формальностей, замѣчаній о погодѣ, объ усталости и пр., бесѣда наша сразу же обратилась на вопросы вѣры. Порядка особеннаго не было, говорили обо всемъ, о чемъ возникали недоумѣнія. Я между прочимъ объяснялъ имъ происхожденіе различныхъ языческихъ религій, въ которыхъ непременно есть нѣчто

истинное, именно, псканіе Бога, котораго человекъ чувствуетъ и помнитъ, только истину эту смѣшиваетъ съ разными своими соображеніями и пр. Между тѣмъ понемногу сходились другіе слушатели. Пришелъ „сон-чео“, т. е. староста деревни или голова, печатный старичекъ, бритый, корректный, съ разбѣренными манерами, съ точными поклонами,—Токура, все время сидѣвшій глубоко понутивъ голову, очевидно, мучась своей перѣшительностью. Собралось человекъ 6 мужчинъ и двѣ женщины (пришла жена Токура), которыя обѣ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ, по старинному этикету. Всѣ — бывшіе слушатели о. Игнатія, за исключеніемъ одного портного, который нѣсколько слушалъ ученіе въ Хакодате. Такъ какъ всѣ они постоянно слышали баптистовъ, даже нарочно бесѣдовали со здѣшнимъ баптистскимъ проповѣдникомъ о вѣрѣ, то естественно разговоръ склонился къ вопросу о причинахъ разногласій между христіанскими исповѣданіями, на чьей сторонѣ истина. Такихъ вопросовъ обычно въ бесѣдахъ съ язычниками избѣгаемъ, но на этотъ разъ уклониться отъ отвѣта было невозможно. Сказано о католичествѣ, какъ искаженіи православія, и о протестантствѣ, какъ благонамѣренной, но неудачной попыткѣ исправить это искаженіе. Говорилось о церкви, какъ хранительницѣ Христова ученія, которая поэтому и имѣетъ право проповѣдывать только то и такъ, что и какъ заповѣдалъ ей Христосъ, ни болѣе, ни менѣе, ничто человеческое не должно примѣшивать къ Божественному. Спрашивали и о почитаніи иконъ и пр. Вопросы ставилъ больше печатный староста или рыбакъ, а Сасаки иногда довольно подробно объяснялъ имъ нѣкоторыя недомѣнія относительно православія. Въ 9 съ половиной часовъ, когда собрались уже всѣ, о. Игнатій началъ катихизацію, говорилъ о необходимости религій, о необходимости подумать, откуда явился міръ и въ немъ человекъ и т. д. Говорилъ положительно блестяще, я даже заслушался его. Въ одномъ мѣстѣ даже греческое слово пустилъ (идолъ и икона), при чемъ слушатели нѣсколько испуганно откашлились. Занимъ я изложилъ ученіе Св. Писанія о твореніи міра, о человекѣ, о грѣхопадении, его слѣдствіяхъ и о спасеніи во Христѣ. Это дало тему для послѣдующей бесѣды, и мы долго еще разговаривали о вѣрѣ, о свободѣ человека и такъ ровно

до 12 часовъ. Всѣ видимо вѣрой очень заинтересованы, слушали внимательно, ясно излагали свои педоумѣнія, очевидно, и прежде объ этомъ они думали и разговаривали между собой. Одинъ, впрочемъ, молодой парень, пришедшій экстренно съ какой-то вечеринки, не смотря на все свое усердіе, безнадежно уснулъ и ушелъ раньше другихъ. На слѣдующій день утромъ намъ нужно было ѣхать въ Кумбецу, поэтому уговорившись на завтра вечеромъ собраться у Токура, мы распрощались и весело пошли въ гостиницу. Въ такой бесѣдѣ какъ-то не замѣчаешь усталости.

Рыболовъ—скитникъ.

7—19 августа. Утромъ выѣхали въ Кумбецу, пять рп. На этотъ разъ мы должны были оставить почтовый трактъ, который повернулъ въ лѣсъ, мы же направились по взморью. Ёхали чрезъ нѣсколько деревень, въ прежніе годы и даже очень недавно здѣсь жили айносы, но теперь только ничтожные остатки ихъ кое-какъ влчатъ существованіе, но большей части служа работниками на промыслахъ. Скоро и мы поѣхали лѣсомъ, на этотъ разъ еще болѣе нетронутымъ, теперь и телеграфные столбы не нарушали своимъ присутствіемъ дикой гармоніи. Дорога пошла зигзагами, болота, овраги... Поднимаемся и спускаемся нѣсколько разъ по крутымъ скатамъ. Особенно запомнилось одно мѣстечко: узенькая тропинка, только чтобы пройти одной лошади, спускается почти по отвѣсному берегу, въ одномъ мѣстѣ даже осыпь, земля ползетъ подъ ногами, камешки летятъ внизъ, а внизу (сажень 15) пѣнится о камни море. Оступись лошадь, и пропадешь. Впрочемъ, лошади къ дорогѣ привыкли, идутъ осторожно, но увѣренно. А признаться, было очень жутко мнновать эту осыпь.

Часовъ въ II мы были уже въ Кумбецу. Верхнее платье оставили въ гостиницѣ и пѣшкомъ отправились въ Фукуба, т. е. рыбный садокъ, гдѣ и живетъ нашъ христіанинъ Павелъ Огава. Прошли на околицѣ мимо буддійскаго храма, мимо школы (безъ которой въ Японіи нѣтъ села) и по хорошей тропинкѣ пошли лѣсомъ. Идти было легко, тропинка ровная, обкошенная съ обѣихъ сторонъ; но симпу (батюшкѣ) вдругъ показалось, что это не та тропинка, нужно идти по

болѣе прямой. Возвращаемся, идемъ по болѣе прямой, которая, конечно, привела насъ къ рѣкѣ, а мостъ, какъ и всегда, оказался разобраннымъ или снесеннымъ. Рѣчка мелкая, чистая, какъ кристаллъ, но все же идти чрезъ нее вбродъ въ наши планы не входило. Слава Богу мужички, сплавлявшіе по рѣкѣ рубленныя дрова, объяснили намъ, что мостъ выше по рѣкѣ. Дѣлать нечего, пошли цѣликомъ сквозъ густыя кустарники и мокрую траву. Путешествіе вышло не изъ легкихъ. Здѣсь особенно много высокой травы, по японски, фуки, въ родѣ нашихъ лопуховъ, только гораздо выше и листья шире. Японцы въ старой Японіи эту траву нарочно разводятъ въ своихъ огородахъ, какъ и прочія овощи, и употребляютъ въ пищу, даже солятъ на зиму. Это, можетъ быть, и очень вкусно, но лѣзть сквозъ густыя заросли такой травы далеко не такъ приятно. Маленькому симпу было хорошо: онъ совсѣмъ исчезалъ подъ высокими лопухами и отлично видѣлъ подъ ними дорогу. Я же то и дѣло спотыкался объ ихъ толстыя стебли и корни. Хорошо еще, что въ этой тущобѣ не попали на медвѣдя. Здѣсь ихъ, говорятъ, водится много, и они часто приходятъ къ этой рѣчкѣ ловить рыбу. Сяке поднимается въ каждую чистую рѣчку съ ключевой водой метать икру. Михаилъ Ивановичъ заходитъ въ воду и перехватываетъ рыбу, когда она возвращается по теченію въ море. Здѣшніе жители рассказываютъ, будто бы медвѣдь нанизываетъ пойманную рыбу на вѣтку, только не догадается закрѣпить конца; поэтому подорогѣ теряетъ всю рыбу. Насколько это вѣрно, судить не берусь, хотя и хотѣлось бы приписать такую цивилизацію нашему Михаилу Ивановичу.

Къ счастью, мостъ былъ не такъ далеко, а вмѣстѣ съ нимъ и прежняя обкошенная тропинка. По ней мы и отправились, и минутъ чрезъ 50 ходьбы, сквозъ чащу лѣса показался садокъ. Новый, только что выстроенный домикъ, амбаръ, поленица толстыхъ дровъ, за ней небольшой огородъ безъ всякаго забора, а вправо надъ текущей рѣкой прислонилось къ горѣ особаго устройства зданіе, въ которомъ и помѣщается садокъ. Кругомъ дремучій лѣсъ. Хозяина застали посреди двора въ запонѣ, мазать что-то такое дегтемъ. Не ожидалъ онъ насъ и потому еще больше обрадовался отъ неожиданности. Сейчасъ же повелъ насъ въ домъ, пропу-

стиль впередъ въ заспикн, а самъ умылся, причесался, надѣлъ хаори и пришелъ здороваться.

Въ заспикн, чистой и свѣтлой комнатѣ, съ европейскими окнами (отъ здѣшнихъ морозовъ японскіе дома плохо защищаютъ), на почетномъ мѣстѣ Икона Богоматери и Св. Ап. Павла, подъ ней полочка для молитвенника и евангелія, которое и лежало тутъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Рядомъ въ углу самодѣльная этажерка, вся уставленная книгами богословскаго содержанія. Павелъ принялъ крещеніе шесть лѣтъ тому назадъ и принужденъ жить въ этомъ скиту, вдали отъ человѣческаго жилья и христіанъ. Только священникъ посѣщаетъ его разъ въ годъ для исповѣди и св. Причастія. Христіанствъ онъ хорошій, искренно вѣрующій. Протестанты про это узнали, и, пользуясь его безпомощностью, начали напирать на него, всячески хуля православную вѣру и сманивая къ себѣ. Павелъ увѣровалъ всею сердцемъ, зналъ, что вѣруетъ въ истину, но въ спорѣ съ протестантами частенько не могъ ничего сказать въ защиту своей вѣры. „Я, стало быть, недостаточно знаю православное ученіе, необходимо учиться“, сказалъ себѣ Павелъ и началъ выписывать на свои средства всѣ книги, какія только издавались нашей миссіей. Баптистскія выдумки скоро обнаружились, на ихъ возраженія Павелъ теперь могъ уже отвѣтить, и баптисты мало-по-малу оставили его въ покоѣ. Между прочимъ, къ Павлу не брезговали приходять и европейскіе миссіонеры, стараясь, его уловить. Одинъ изъ нихъ (Павелъ сказывалъ и фамилію, но въ японскомъ разговорѣ не разберешь) особенно усердно ругалъ православіе, пуская входъ всѣ обычные приемы враговъ церкви. Это-де русская вѣра, японцамъ не слѣдуетъ ее принимать, русскіе-де идолопоклонники, иконамъ кланяются“. На это Павелъ просто ему отвѣтилъ: „Какъ вѣруютъ русскіе и какъ они понимаютъ иконы, я не знаю, тамъ я не былъ и вашихъ словъ провѣрить не могу. Я принялъ вѣру не отъ русскихъ, а отъ Бога и вполне могу отличить почитаніе иконы отъ Божескаго поклоненія, приличнаго только Богу“. Такъ почтенный искуситель и ушелъ ни съ чѣмъ.

Павелъ и до сихъ поръ не потерялъ охоты къ духовному чтенію, выписываетъ нашъ Православный Вѣстникъ и съ жадностью набрасывается на всякую новую книгу, о кото-

рой въ немъ объявляется. Теперь онъ, конечно, знаетъ вѣру гораздо лучше многихъ катихизаторовъ, а главное соединяетъ со знаніемъ и такую же твердую вѣру. Какъ я упоминалъ выше, между нимъ и Филиппомъ Итоо (христіанинъ въ Сибецу) существуетъ своего рода духовное братство. Оба хорошіе вѣрующіе, они взаимно другъ друга поддерживаютъ въ вѣрѣ среди окружающаго ихъ со всѣхъ сторонъ языческаго міра. Сойдутся вмѣстѣ, изслѣдуютъ сообща ученіе, читаютъ духовныя книги или Св. Писаніе. На дняхъ напр., Филиппъ прожилъ здѣсь цѣлыхъ три дня и они, по словамъ Павла, наслаждались только что полученной книгой: проповѣдями І. Златоуста. Положили себѣ зарокъ ежедневно читать Новый Завѣтъ, кто больше прочтаетъ.

Благодаря этимъ двоимъ вѣрующимъ и окружающимъ ихъ понемногу слышатъ о вѣрѣ, нѣкоторые и склоняются къ ней. Это, дѣйствительно, закваска, которая, лучше всякаго ученаго катихизатора, можетъ заставить бродить окружающую среду.

Вмѣстѣ съ Павломъ въ его лѣсномъ скиту живутъ только еще двое: Лука, мальчикъ лѣтъ 15-ти, отчасти воспитанникъ Павла, отчасти вмѣстѣ съ нимъ служащій въ рыбной компаніи, и его (Павлова) жена. Лука обращенъ ко Христу самимъ Павломъ и только окончательное оглашеніе получилъ отъ о. Игнатія одновременно съ Филиппомъ Итоо; крещеніе и совершенно было здѣсь въ скиту. Жена Павла до сихъ поръ не поддается его увѣщаніямъ, хотя онъ ей и говоритъ иногда цѣлыя проповѣди. Родомъ она изъ близняго поселка, воспитана въ семьѣ, давно не имѣвшей никакого прямаго отношенія ни къ одной изъ японскихъ религій Поэтому, съ дѣтства въ ея душѣ полный индифферентизмъ къ вопросамъ религіознымъ. Такую душу трудно разбудить. Это составляетъ для Павла предметъ постоянныхъ огорченій. Конечно, онъ могъ бы жену и заставить креститься, но такихъ крещеній, по возможности, нужно избѣгать, потому что они могутъ привести только къ отпаденіямъ, да паносятъ вредъ и самимъ вѣрующимъ. Я совѣтовалъ ему не торопиться, быть самому во всемъ вѣрнымъ ученію, и поусерднѣе молиться объ обращеніи своей жены; можетъ быть, эта молитва и увѣнчается успѣхомъ.

Для насъ стали готовить обѣдъ, т. е. варить (собственно

говоря парить) рисъ, рыбу, тутъ же науженную, картофель и пр. овощи, взятые прямо съ огорода. Что-то очень похоже на монастырскіи пчельникъ.

Пока шли эти приготовленія, Павелъ показаль намъ свои владѣнія, особенно садокъ. На сваяхъ надъ рѣкой, быстро текущей и прозрачной, какъ стекло, стоитъ небольшой домикъ—сарай. Внутри во всю ширину его на равныхъ растояніяхъ разставлены узкіе и длинные ящики, сколоченные изъ толстаго протесу и осмоленные. Стоять они на высотѣ въ половину роста, однимъ концемъ упираются въ стѣну и чрезъ отверстіе соединяются въ родникомъ, обильно бьющимъ изъ горы тутже за стѣной. На другомъ ихъ концѣ, цинковыя трубы вертикально проходятъ въ полъ и далѣе въ рѣку. Желоба раздѣлены на гнѣзда, въ которыя вставляются небольшія квадратныя ситечки по десяти одно надъ другимъ. Въ извѣстное время года въ морѣ ловится рыба, икра изъ нея вышмается и раскладывается по упомянутымъ ситечкамъ. Тогда въ желоба пускается родниковая вода, потому что только въ родниковой, непремѣнно очень холодной и совершенно чистой водѣ могутъ развиваться зародыши этой рыбы. Когда зародыши выходятъ изъ ячеекъ, быстро текущая ключевая вода уноситъ ихъ по цинковымъ трубамъ внизъ въ рѣку, которая на этотъ періодъ немного понижее преграждается сѣткою. Въ образовавшейся такимъ образомъ зашрудѣ зародыши и живутъ мѣсяца три, пока не вырастутъ въ рыбокъ. Тогда сѣть снимается и молодья рыбки отправляются въ жизнь, въ открытое море. Икру добываютъ изъ рыбъ обязательно въ морѣ. Сяке приходитъ и сама метать икру въ эту рѣчку, и даже поднимается къ самому садку, но эту икру не берутъ, оставляя ее развиваться на свободѣ. Цѣль всего этого: приучить рыбу заходить въ эту рѣчку, чтобы потомъ безъ особаго труда и затратъ ее брать. Замѣчено, что сяке ежегодно приходитъ къ тому мѣсту, гдѣ она выведена. Стоитъ только въ извѣстное время перегородить рѣчку и вся пришедшая рыба будетъ поймана. Не нужно ни большихъ сѣтей, ни лодокъ, а, главное, можно брать рыбу съ разборомъ. У компаніи, въ которой служатъ Павелъ и наши знакомые въ Сибецу, есть нѣсколько такихъ садковъ, но заведены они недавно, поэтому собственной рыбы ловить еще не пришлось.

Еще подробность садка: у стѣны около двери придѣланы довольно вмѣстительный четверугольный чанъ для воды, точно такъ же осмоленный, какъ и все здѣсь. Въ этомъ чану прошлый годъ о. Игнатій окрестилъ Луку, воспитанника и сожителя Павла, и Филиппа Итоо изъ Сибецу. Подходящаго сосуда не было, а этотъ чанъ всегда содержится въ чистотѣ.

Осмотрѣли и маленькій огородъ Павла, гдѣ растутъ всѣ необходимыя для домашняго обихода овощи. Собирается завести и куръ, только корова едвали надолго наживетъ здѣсь: медвѣди не приминуть полакомиться ей.

Павель живетъ здѣсь уже семь лѣтъ, живетъ совершенно вдали отъ всѣхъ. Онъ ходитъ въ городъ только изрѣдка по дѣлу, къ нему тоже посѣтителей мало. Сначала, говоритъ, немного было скучновато, но теперь привыкъ, да и некогда скучать. Много хлопотъ доставляетъ садокъ, потомъ--огородъ, потомъ нужно собирать и рубить дрова въ лѣсу, на зиму топлива требуется много. Остается свободное время, нѣблизко уголь книгъ, Павель ихъ читаетъ съ увлеченіемъ, учится. Такъ и идетъ его трудовая, трезвая, истинно христіанская жизнь. Послѣ крещенія онъ все время жилъ вдали отъ церкви, поэтому прямой связи нѣтъ у него съ какой-нибудь церковной общиной, напр., въ Неморо. Всетаки Павель иногда и жертвуетъ, что можетъ, то одежду подаритъ священнику, то еще что-нибудь. За требы у насъ, нужно сказать, платы не берется, такъ какъ священники получаютъ отъ миссіи жалованье, но, конечно, всякую жертву въ пользу священника нужно поощрять, такъ какъ это прямой путь къ церковной самостоятельности японцевъ (въ матеріальномъ отношеніи).

Жена Павла, глухая къ его проповѣди, приготовила намъ вкусный обѣдъ, за которымъ мы еще побесѣдовали съ Павломъ о разныхъ вѣшахъ, при чемъ онъ жаловался на нежеланіе жены увѣровать во Христа. А жена, еще молодая женщина, какъ-то тупо улыбалась и совершенно равнодушно выслушивала наши убѣжденія. Нѣтъ, видно, если благодать Божія не коснется сердца человѣка, что-угодно говори ему, самымъ логичнѣйшимъ образомъ доказывая истину нашей вѣры, онъ не увѣруетъ. Понять, конечно, не трудно, для этого требуется только извѣстная степень образованности

или даже простая логика, простой здравый смысл; но чтобы понятое учение признать за действительность, чтобы въ немъ обрѣсти цѣль и смыслъ своей жизни, для этого разсудокъ безсилеиъ, да и человекъ самъ.

Мы стали собираться въ обратный путь. Оказалось, что и Павлу завтра утромъ необходимо быть по какому-то дѣлу въ Субецу. Пошли втроемъ, на этотъ разъ чрезъ заросли лѣзть не пришлось, прошли вплоть до Кумбецу по хорошей обкошенной тропѣ. Отъ Кумбецу опять верхомъ; къ намъ присоединился еще какой-то мужичекъ, должно быть, почтарь. Могу похвалиться, что на этотъ разъ ѣхали уже не черепашинымъ маршемъ, а по настоящему. Быстро ѣздить, оказалось, не такъ мучительно, какъ шагомъ. Но, какъ ни торопились, въ Субецу пріѣхали уже по темному, поужинали и только около 9 часовъ могли придти въ домъ Токура, гдѣ на этотъ вечеръ у насъ назначено было собраніе.

Слушателями были вчерашніе и кромѣ того, пріѣхавшіе съ нами Павелъ и мужичекъ-почтарь. Но кромѣ этихъ видимыхъ слушателей, несомнѣнно были и невидимые: квартира Токура находится въ самомъ зданіи почтовой конторы и отдѣляется отъ другихъ помѣщеній одними картонными ширмами. Мы легко могли слышать стукъ телеграфнаго аппарата, разговоры и пр. Тѣмъ болѣе можно было слушать и нашу проповѣдь, которая говорила, конечно, немножко повышеннымъ голосомъ. Такъ какъ было уже поздно и все собрались, то о. Игнатій, не теряя времени, прямо приступилъ къ катихизаціи, и говорилъ минутъ съ-сорокъ, продолжая мою вчерашнюю рѣчь, о Христѣ, какъ единственномъ Спасителѣ рода человѣческаго, могущемъ даровать намъ прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Я потомъ сказалъ о необходимости въ этой жизни приготовить свою душу къ воспріятію вѣчнаго блаженства, потому, что способный участвовать въ этомъ блаженствѣ можетъ получить его, неспособный же только еще болѣе будетъ страдать отъ него. Бесѣда естественно перешла на вопросъ о смерти, о различномъ ея пониманіи въ обычномъ быту, и въ разныхъ религіяхъ. Мы развивали мысль о томъ, чѣмъ служить смерть для истиннаго христіанина, о нашей связи съ умершими, объ отношеніи нашемъ къ святымъ и не святымъ, о необходимости почитать первыхъ и призывать ихъ на помощь, и

молитсья за вторыхъ, чтобы помочь имъ, насколько это возможно для насъ. Опять пошло сравненіе нашего ученія съ баптистскимъ, опять пришлось разбираться и опровергать разныя безцеремонныя ихъ клеветы на нашу вѣру. Особенно любятъ они подзадоривать ложный патріотизмъ японцевъ. православіе—де русская вѣра, царь-глава ихъ церкви, и потому всякій, крещенный въ православіи, долженъ признать надъ собою главенство русскаго императора. Чтобы понять всю злостность этой нелѣпой клеветы, нужно знать, какъ японцы ревниво относятся ко всему, что касается ихъ долга вѣрности своему императору. Это здѣсь своего рода повѣтріе. Притомъ, изъ всѣхъ иностранныхъ государствъ всего болѣе не любятъ здѣсь Россію, которая въ умахъ японцевъ является воплощеніемъ всего вообще враждебнаго отечеству. Недавно пришлось видѣть выдержку изъ японской газеты „Дзимминъ“, которая порицаетъ этотъ ложно направленный патріотизмъ: долгъ патріота не только въ томъ, чтобы въ минуту опасности жертвовать собою въ пользу Государя и отечества, а и нѣчто болѣе широкое, и болѣе мирное, не требующее непременно считать всякаго иностранца тѣмъ самымъ за врага. Эта газета между прочимъ приводитъ и примѣры ложнаго патріотизма. Школьныя учителя имѣютъ обыкновеніе на географическихъ картахъ окрашивать Ляодунскій полуостровъ въ особую краску, чтобы ученики постоянно помнили „національную обиду“; а одинъ учитель высылалъ дѣтей зимой на снѣгъ: вы-де должны постепенно пріучиться къ сибирскому климату, чтобы не спавать во время войны. Понятно, съ какими чувствами по отношенію къ Россіи выходитъ изъ школъ будущее поколѣніе Японіи. Вотъ почему наши собратья-миссіонеры баптистскіе такъ старательно и указываютъ японцамъ на связь православія съ Россіей. Конечно, уколъ этотъ незначителенъ. всякій, хоть немного познакомившійся съ православіемъ, пойметъ неправду этого, но на простаго язычника, особенно крестьянина такія наговоры могутъ произвести впечатлѣніе.

И на этотъ разъ ставилъ вопросы печатный старичекъ, онъ собственно не возражалъ, а только высказывалъ свои мысли и соображенія. Бесѣда шла серьезно и мирно. Сасаки иногда вставлялъ замѣчанія отъ себя, а Токура опять си-

дѣлъ глубоко понурившись, вздыхая, мучась нервнѣйшительностью, только по временамъ, какъ-то поспѣшно, точно проснувшись поднимался и начиналъ пододвигать присутствовавшимъ чашечки съ чаемъ или „окаси“ (японское печенье). Заснувшій вчера юпоша опять былъ, но тоже ушелъ ранѣе. Мы разошлись по вчерашнему въ полночь. Простившись со всѣми, чтобы завтра поутру уѣхать въ Неморо. О. Игнатій обѣщался быть здѣсь въ этомъ году еще разъ и прожить съ мѣсяць. Можетъ быть, съ помощію Божіею, нѣкоторые изъ слушателей и будутъ крещены. Тогда нашу церковь въ Сибецу можно считать довольно прочно основанной, потому что слушатели-люди все солидные, въ городкѣ уважаемые (Сасаки, Токура).

Возвращеніе.

8—20 августа. Полегоныку поѣхали въ обратный путь. Торопиться нельзя было; кавалерійская ѣзда прошлыхъ дней давала себя чувствовать.

9—21 августа. Воскресенье. Поездъ быстрой ѣзды, въ первомъ часу дня прибыли мы въ Неморо и тутъ, къ удивленію, узнали, что преосвященный все еще не уѣхалъ. 19 числа съѣлъ онъ на пароходъ Суруга-мару, чтобы въ полночь выйти. Но ни въ полночь, ни на слѣдующій день пароходъ не выходилъ: туманы мѣшали пройти страшное Носяпу. Въ субботу епископъ съѣхалъ на берегъ, отслужилъ въ молитвенномъ домѣ всенощное, и окончательно простился съ христіанами. Утромъ въ воскресенье, ко всеобщей радости, пароходъ, дѣловито надымивъ, поднялъ якорь и пошелъ въ море, но, увы, дошелъ только до Носяпу, посмотрѣлъ на окутавшее его облако и постыдно возвратился въ Неморо. Какова же была досада пассажировъ, когда почти вслѣдъ за ними на рейдъ пришла изъ Хакодате Овари-Мару, которой, стало быть, тоже пришлось проходить черезъ Носяпу. Вина, слѣдовательно, въ трусливомъ капитанѣ. Съ преосвященнымъ на Суруга-мару ѣдетъ и престарѣлый японскій адмиралъ Ито, начальникъ главнаго морскаго штаба, со своими адъютантами.—Зачѣмъ это Вы пожаловали сюда? Слышно, что приискиваете новую пристань для военнаго флота?“ Тотъ сдѣлать невинный видъ: „Просто прогуляться захотѣлось. въ

Тоокео засидѣлся“. Хороша прогулка: старикъ-морякъ трясется кругомъ всего Езо верхомъ на лошади. Все это—кошмаръ нашествія русскаго.

Вечеромъ всѣ пассажиры, идущіе въ Хакодате, перешли на Овари-мару. Я тоже взялъ билетъ на нее, и уже въ темнотѣ перебрался со своимъ багажемъ. Удастся ли завтра выдти? вопросъ тысячу разъ задававшійся пассажирами. Не ужели и на этомъ пароходѣ, еще дня два-три придется сидѣть въ Неморо? Изъ этого можно понять, каково здѣшнее морское сообщеніе: то парохода во время нѣтъ, то онъ не можетъ идти, потому что море не пускаетъ. Капитанъ Овари-мару высматривалъ, впрочемъ, молодецъ, повидному, человѣкъ смѣлый и увѣренный въ себѣ, завтра обѣщаль непременно выдти.

10—22 августа. Въ 4 часа утра Овари-мару, дѣйствительно, вышла и, не смотря на туманъ, пробралась чрезъ Носяну, стоило только на нѣсколько-времени остановится предъ опаснымъ мѣстомъ: вѣтерокъ чуть-чуть приподнялъ краешекъ туманнаго покрова, а для хорошаго штурмана этого достаточно, чтобы опредѣлиться. Туманъ тотчасъ же спустился снова, но дорога была ясна. И теперь туманъ-кругомъ, но Овари-мару идетъ себѣ увѣренно, не убавляя ходу. За нами тащится и Суруга-мару, со своимъ не въ мѣру осторожнымъ капитаномъ. Она то покажется, то опять спрячется за туманомъ, только сирены (свистки), завывая, перекликаются между собой. Проходитъ полоса тумана, и сразу чудное, сверкающее море и ясный южный день. То и дѣло попадаются кашелоты, по два-по три, идутъ больше къ югу. Не пройдетъ минуты, чтобы не показалась гдѣ-нибудь гладкая, лоснящаяся спина или же взлетѣлъ на воздухъ вспрыскъ воды. Иной разъ, завидѣвъ близкій пароходъ, великанъ нырнетъ, могучій хвостъ его, взмахнувъ, плавно опустится въ воду. Одинъ разъ изъ подъ самага носу парохода бросился въ сторону испуганный звѣрь, и мы могли хорошо рассмотреть его гигантскую сѣрую спину. И такъ почти до самого Хакодате. Преосвященный рассказывалъ, какъ однажды три такихъ звѣря зашли въ самый хакодатскій рейдъ, подыавъ тамъ не малую кутерьму. За такую неосторожность одинъ поплатился жизнью, двое же убѣжали. Кашелотовъ здѣсь

вообще очень много, только, говорятъ ихъ не охотно ловятъ, они какого-то особаго рода,—не выгодны для ловца.

11—23 пришли мы благополучно въ Хакодате, а 12—24-го преосвященныи на пароходѣ отбылъ въ Аомори и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Тоокео, куда его давно уже ожидали стоявшія миссійскія дѣла. Я же дня на два остался въ Хакодате, чтобы потомъ ѣхать въ приходъ о. Николая Сакурая, осматривать церкви и посѣтить христіанъ, разбросанныхъ по острову Езо.

Архимандритъ Сергій.
